

БАЗОВЫЕ КАТЕГОРИИ МИФОПОЭТИКИ В ИЗУЧЕНИИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО РОМАНА: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОИСКИ

И.П. Сапунова

Ключевые слова мифопоэтика, мифопоэзия, мифотворчество, архетип, мифема, мифологема, мифологизация, современный русский роман

Keywords: mythopoetics, mythopoetry, myth-making, archetype, mytheme, mythologeme, mythologization, modern Russian novel

[https://doi.org/10.14258/filichel\(2026\)1-03](https://doi.org/10.14258/filichel(2026)1-03)

Введение
Мифопоэтические исследования — одна из активно разрабатываемых в науке областей. Между тем с теоретико-методологической точки зрения разграничение разного рода мифологических элементов в произведении и выбор подходящего инструментария для анализа осложняется несогласованностью в понятийно-терминологическом тезаурусе. В частности — неоднозначностью определения самой «мифопоэтики» / «мифопоэзии» и размытостью границ между семантически близкими понятиями «архетип» / «мифологема» / «мифема» и «мифологизация» / «мифотворчество». Необходимость в уточнении их эвристической продуктивности обусловлена спецификой самого объекта исследования. Современный русский роман (творчество Е. Водолазкина, А. Иванова, З. Прилепина, Г. Яхиной и др.) практически не апеллирует к мифу в его «чистом» виде, имея дело со сложными гибридными формами, связанными с мифологизацией истории, демифологизацией и последующей ремифологизацией, контаминацией разнородных мифологических систем, для описания которых требуется адекватный метаязык. Кроме того, интересующий нас литературный феномен взаимодействует с историко-идеологическими мифологемами, отсылающими к архетипам [Рытова, Щипкова, 2012]. Актуальность проблемы подкрепляется появлением не только общих исследований по неомифологизму [Львова, 2019], но также работ, посвященных репрезентации истории через призму мифа [Бондарев, 2016], изучению советского мифа в литературе [Андрианова, 2021] и постмодернистской игры с мифологическими схемами [Борунов, Шерчалова, 2021]. Вместе с тем тео-

ретическая рефлексия по поводу преодоления терминологических трудностей в отношении базовых категорий мифопоэтики позволит упорядочить методологические поиски ученых при обращении к современному русскому роману в указанном ракурсе. Основанием для обращения к отобранному ряду статей послужила их близость интересующей нас проблематике и хронологическому отрезку. Все они сосредоточены на анализе русского романа конца XX — начала XXI в., переосмысляющего исторические события, в том числе советского периода, связаны с выявлением специфики авторского мифологического нарратива.

Методы и материалы исследования

Толкования мифопоэтики встречаются в разных ракурсах. Но прежде всего значение этого термина ассоциируется с мифологической критикой, или ритуально-мифологической школой (от англ. *myth criticism*), заявившей о себе в 30-е гг. XX столетия под влиянием Н. Фрая [Козлов, 2004б, с. 258], который, как известно, синтезировал фрейзеровский и юнгианский подходы, полагая, что недостаточно рассматривать только ритуалистическую сторону проблемы, следует также исходить из мифологической основы художественной фантазии, берущей истоки в коллективном бессознательном и проявляющейся в архетипах. Соответственно, миф и «ритуальные архетипы» — решающие факторы интерпретации всей художественной словесности, а не первобытные культурные «пережитки».

Поскольку миф может создаваться целенаправленно, исследование собственно авторской художественной мифологии и ее эстетических возможностей заостряет проблему соотношения сознательного и бессознательного, индивидуального и архетипического. Говоря о втором значении мифопоэтики, Г. А. Токарева напоминает, что термин «возник из намерения подчеркнуть различие между архаическим мифом, художественность которого бессознательна и потому выпадает из сферы внимания литературоведения; и мифом, органически внедрившимся в структуру литературного произведения, рассуждать о поэтике которого исследователь имеет полное право» [Токарева, 2005, с. 7].

Иными словами, **мифопоэтика** подразумевает, с одной стороны, подход «к литературным реалиям разного масштаба (от отдельного образа до литературного течения), предполагающих — в том или ином смысле — рассмотрение их под мифологическим углом зрения» [Кривонос, 2008, с. 124], т. е. способ изучения таких явлений литературы, «которые ориентированы на мифопоэтические модели, с целью проследить их генезис, развитие и функции в создании целостной карти-

ны мира и трансформацию традиционных образов» [Осипова, 2000, с. 51], а с другой стороны — художественные установки и принципы отдельных писателей. При этом заметим, что близкий термин «**мифопоэзия**», оказавшийся менее универсальным, используется более узко — для обозначения «всех жанров художественного творчества, тематически или структурно связанных с тем или другим древним мифом» [Козлов, 2004, с. 262а]. Им обозначают также «художественные произведения различных эпох и жанров, в которых выявляется одна и та же, весьма жесткая, мифологическая структура или каркас» [Там же]. Закономерно, что в научных работах о современной русской прозе эти термины фигурируют в разных контекстах. Мифопоэтика может осмысляться как «своеобразная проекция мифа или отдельного мифологического сюжета, образов, мотивов на произведение в целом» [Калиниченко, с. 82–86], присутствие мифологических черт в тексте, среди которых амбивалентность персонажей, наличие сакрального центра и сакральной временной точки, определенность сознания героя посредством пространства и времени [Побивайло, 2009] или шире — «язык современной литературы, стремящийся универсализировать представления о мире» [Торосян, 2022, с. 82–85]. Термин «мифопоэзия», в свою очередь, применяется в редких случаях как синоним мифопоэтики в отношении не столько романа, сколько других жанров эпической прозы [Костюк, 2024, с. 151–158].

Семантически родственными оказались феномены **мифологизации** и **мифотворчества**, поскольку «современное литературоведение нацелено на исследование двух соприродных процессов: на переосмысление мифологических сюжетов и образов, с одной стороны, и на функционирование художественных „конструкций“ по законам мифомышления — с другой» [Ермоленко, 2020, с. 92]. Под «мифомышлением» в данном случае будем подразумевать «первобытную ступень человеческого сознания, когда миф является отражением картины мира, результатом и способом освоения мира» [Орехов, 2008, с. 29].

Так, Е. М. Мелетинский отождествляет «поэтику мифотворчества» («поэтику мифа») с «мифологизацией» и «мифологизмом» / «неомифологизмом», понимая под последними явления, связанные не с самим мифом, а с литературной традицией: обращение к мифологии отдельных писателей XX в. (Дж. Джойса, Т. Манна, Г. Маркеса и др.), которые создают целостную картину мира [Мелетинский, 2000, с. 7]. Между тем столь широкая трактовка нуждается в конкретизации. Мифологизирование не всегда предполагает создание мифопоэтической картины мира, где «происходит преодоление хаоса и возникновение космо-

са, и мифологический хронотоп, качественную неоднородность которого выражает как противопоставление центра периферии, так и дискретность пространства, разделенного различными границами на разного вида локусы» [Неклюдов, 2005, с. 9]. К примеру, неоднородно пространство романа З. Прилепина «Обитель» (2014). Оно включает разные локусы, которые имеют символическое значение и отражают аспекты жизни в лагере СЛОН: лес предстает местом спасения, дорога к монастырю символизирует перемены в жизни и внутреннюю трансформацию героя через преодоление пространства [Ильина, 2017, с. 22–27].

В практике анализа художественного произведения под мифологизацией нам видится определенная модальность переосмысления реальности разными способами, среди них — фрагментарное, выборочное описание исторического прошлого, синкретизм в реконструкции различных периодов, смешение пластов истории с мифами, фольклором и художественной словесностью. Использование слова **«мифотворчество»** применительно к формированию новых мифов условно допустимо, так как подлинный миф складывается в рамках коллективного, а не индивидуально-авторского сознания. Вместе с тем термин **«мифологизм»** позволяет обращаться и к собственно мифам, и к мифологическим мотивам, «встраиваемым» в структуру анализируемого текста.

В научных трудах о современном романе понятие мифологизации используется в нескольких значениях: «способ построения модели скрытых процессов, определяющих историческую судьбу нации и государства в момент исторического перелома» [Фолимонов, 2020, с. 54–65]; «метод исторического повествования» [Пахомова, 2011, с. 112–114]; «один из способов создания псевдоисторического мира» [Глобенко, Шереметьева, 2025, с. 38]; следовательно, реализуется значение мифологизации как модальности переосмысления реальности. При этом мифотворчество трактуется как «художественный принцип» [Рысухин, 2024, с. 125–136], «создание мифологического художественного пространства» [Старицына, 2016, с. 161–165]. Наконец, под мифологизмом в новейших исследованиях подразумевается «и художественный прием, и стоящее за этим приемом мироощущение» [Гусева, 2023, с. 287–292], «ведение повествования в реальном и мифологическом планах» [Короткова, 2020, с. 43–49]. Как видно, путаница сохраняется: мифологизм и мифотворчество иногда выступают в качестве эквивалента мифологизации или же синонимизируются по отношению друг к другу.

При мифопоэтическом изучении современного русского романа не менее востребован термин **«архетип»**, непосредственно связанный с воплощением мифологизма в литературе. По определению К. Г. Юнга,

речь идет о той части психики, которая «не обязана своим существованием <...> личному опыту и, следовательно, не является индивидуальным приобретением» [Юнг, 2019, с. 53]. Общие для человечества архетипические образы выступают некими символами: Анима и Анимус, Мудрец, Великая Мать и т. д. То, что Юнг именует «коллективным бессознательным», отсылает к первобытному разуму. Именно к нему «адресуются постоянно символы снов, как будто бессознательное пытается вернуть назад все те старые вещи, от которых разум освобождался по мере того, как эволюционировал, — иллюзии, архаические мыслеформы, главные инстинкты и т. д.» [Аверинцев, 1970, с. 113–143].

Соотнесенность с мифом в данном случае осуществляется через **мифологему**. По К. Кереньи, этот термин употребляется для обозначения повествований, «которые всем хорошо известны, но которые далеки от окончательного оформления» [Юнг, 1996, с. 13] и задействуются как творческий материал. В роли мифологемы могут выступать метафоры и аллюзии, реализующие связь текста с его мифологическим подтекстом, поскольку в произведении мы чаще всего встречаем не сам миф, а его «обломки». Такое понимание согласуется со взглядом Е. М. Мелетинского, рассматривающего мифологему в качестве «микросюжета», завершенной серии событий, значимой в рамках общего нарратива [Мелетинский, 1979, с. 146]. Значит, мифологема — структурная составляющая мифа. Наряду с ней функционирует термин «**мифема**», введенный К. Леви-Строссом для обозначения минимальной семантической величины мифа [Леви-Стросс, 2001, с. 219]. И если мифологема — часть его сюжета, то мифема — «„свернутый“ до одного слова миф или знак его присутствия» [Давыдов, 2017, с. 120], т. е. единица метаязыка. Итак, мифологема, мифема, архетип — реликты единого первобытного архаического мифа, которые по-разному проявляются в литературе нового времени. Невозможность четкого разделения данных понятий объясняется единством их генезиса: одно всегда приходится дополнять через другое.

Специалисты по современному роману пишут о мифеме как об отсылке, «проявляющейся в тексте... в виде сюжетов и мотивов, упоминания различных имен героев» [Клюс, 2021, с. 216–222]. А сами имена-мифемы в некоторых случаях понимаются как «культурно-исторические образы героев» [Радь, 2024, с. 277–286]. Между тем мифологема рассматривается как «вербальный носитель мифа» [Бреева, 2010, с. 85–92], «самостоятельный авторский образ, построенный на системе традиционных культурологических и литературных парадигм, структура которых формируется на давних мифологических фундаментах»

[Пигина, Сергеева, 2022, с. 90–93], «реализующийся на уровне композиции и существующий в системе мифологических мотивов» компонент произведения [Махихина, Сидорова, 2017, с. 174–178], «трансформация архетипов инициационной обрядности» [Иванова, 2018, с. 68–72]. Стало быть, нет оснований говорить о строгом терминологическом разграничении, пока в отдельных работах мифологема и универсальный архетип употребляются либо как равнозначные [Жулькова, 2023, с. 153–159], либо как взаимоопределяющие понятия.

В исторической перспективе изучение базовых категорий мифопоэтики объединяет множественные подходы и концепции. Первоначальные опыты осмысления мифа в рамках «мифологической» (М. Мюллер, братья Гримм) и «антропологической» школ (Дж. Фрейзер) не обеспечили консенсуса в его трактовке западными учеными. Основное их достижение состояло в раскрытии механизмов создания мифов традиционных обществ и первобытных народов. Однако за их пределами мифы, как правило, не анализировались в качестве самостоятельного явления. В России, напомним, истоки научного постижения феномена мифа лежат в трудах Ф. И. Буслаева, А. Н. Афанасьева, А. Н. Веселовского. Они связывали мифологию с широким кругом смежных проблем изучения языка, устного народного творчества, традиционной культуры и древнерусской литературы [Топорков, 1997, с. 17].

Постепенно в исследованиях мифа акцент смещается на его универсальные, онтологические характеристики. Э. Кассирер сопоставляет мифическое мышление с научным, подчеркивая отсутствие различий между их формальными и содержательными аспектами, которые репрезентируют элементы мифа [Кассирер, 2001, с. 53]. К аналогичной мысли приходит А. Ф. Лосев, показывая, что миф не может быть сведен к научным, метафизическим или религиозным конструкциям [Тахо-Годи, 2017, с. 13]. По сути, он является символом — диалектическим объединением внешнего и внутреннего [Лосев, 2001, с. 97]. Мифология, подобно языковым системам, оказывается независимой символической конструкцией культуры, которая обладает уникальными возможностями символизации всех воспринимаемых явлений. При постановке вопроса о мифологизации истории в прозаических текстах (прежде всего в романах), ее искажении или трансформации миф может быть принят в качестве условного универсума.

Если за неомифологизмом стоит возвращение к мифу как способу художественной организации текста, средству выражения вечных истин и модели постижения неизменной сущности человека, то литературное произведение может представлять собой в большей или мень-

шей степени мифологизированный текст. Способы его изучения вариативны. Наиболее продуктивные из них могут быть охарактеризованы в **функциональном, «мифореставрационном», нарратологическом, структурном и семиотическом** аспектах. Применительно к русскому роману как феномену новейшей литературы (конец XX — начало XXI в.) у каждого подхода обнаруживаются и преимущества, и недостатки.

Оптимальным кажется путь взаимодействия с методологическими поисками фольклористики, опирающийся на концепцию В. Я. Проппа из его «Морфологии сказки» (1928). В художественном произведении функции персонажей связываются с ключевыми эпизодами действия, которые формируют фабулу романа. Волшебная сказка, как известно, насчитывает семь типов действующих лиц: герой, вредитель, даритель, помощник, царевна (или ее отец), отправитель, ложный герой — и тридцать одну функцию. Преимущество данного подхода заключается в его достаточной формализации и четкости, а неизбежный схематизм такого анализа может быть оправдан стремлением не соблазняться вольными интерпретациями на манер психоаналитических.

В частности, упрощенную модель юнгианской теории иллюстрирует применяемый С. М. Телегиным «метод мифореставрации», т. е. «анализа фольклорного или художественного текста, включающий в себя выявление в нем элементов мифологического сознания <...> и последующую интерпретацию или восстановление мифологического сюжета» [Кирин, 2000, с. 115]. Утверждается, что «через интерпретацию мифосюжетов художественных произведений» можно «перейти к глобальному открытию мифосознания на уровне и в контексте философской картины мира» [Там же]. Миф здесь воспринимается как реальность и раскрытие Логоса в человеческом сознании, а личность — инструментом Логоса, имеющего божественную природу. По заявленной логике, исследователю необходимо первым делом открыть миф внутри себя и затем искать его в художественных произведениях. Теоретически «метод мифореставрации» можно было бы использовать при соотношении смысловой основы произведения и структуры мифа как репрезентанта человеческой души через элементы текста, раскрывающие подсознательные мотивы автора, но фактически адепты этого метода транслируют собственные религиозные воззрения, тогда как Юнг с осторожностью декларировал отстраненность своего учения от вмешательства в теологические вопросы.

Для анализа событийно-персонажного уровня текста методологически продуктивной может служить работа Е. М. Мелетинского «Миф

и сказка» (1970). В ней учитывается степень близости неомифологического произведения либо к традиционной мифологии, либо к фольклорной основе. И хотя образы романских героев могут быть также объяснены в терминах психоанализа, поиск соответствий между литературными персонажами и архетипами требует учета определенных законов и правил, хотя общепринятой методике нет ни у психоаналитиков, ни у литературоведов. В некоторой степени прецедентен путь, предложенный М.-Л. фон Франц, ученицей Юнга (см. «Психология сказки. Толкование волшебных сказок», 1970 [Франц, 2000, с. 183]). По ее логике, архетипические мотивы формируются в коллективной психике, а значит, общие закономерности нужно искать на фольклорном материале разных народов мира. Согласно мысли Франц, у волшебных сказок и мифов один и тот же источник — коллективное бессознательное. Однако у них значительно меньше культурных наслоений по сравнению с мифами [Франц, 2000, с. 14]. В практическом отношении Франц рассматривает какой-либо ключевой эпизод одной сказки в контексте близких по смыслу эпизодов других сказок. Сравнивая параллельные варианты, она вычленяет в них некий общий смысл. Например: проблема состоит в доминировании «Анимуса», а сказка показывает путь восстановления пропущенного женского элемента, «Анимы», и уравновешивания ситуации. Так аналитик переходит от эпизода к эпизоду, и требуется владеть обширным материалом для переноса аналитических процедур из контекста авторского искусства слова в поле народного творчества, полагая (без достаточной на то верификации), что большая прозрачность и простота символов волшебной сказки позволит эффективнее реконструировать архетипы в художественном тексте.

Результаты исследования

Перечисленные подходы востребованы в разговоре о русской прозе XXI в. Морфологический метод В. Я. Проппа, например, используется в анализе мифологических мотивов и образов романа М. Петросян «Дом, в котором...» (2008) [Дмитриевская, 2020, с. 93–99] и продуктивности архетипа сказки в повествовательной структуре романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» (2015) [Ощепкова, 2023, с. 54–62], а также при рассмотрении композиции и сюжета ее же текста «Дети мои» (2018) [Шпак, 2022, с. 52–56]. Исследования Е. М. Мелетинского тоже стали основой изучения мифофольклорной поэтики современных романов [Там же], анализа реализации в них фольклорных мотивов и кодов, выявления генетических связей персонажей с устными народными и мифопоэтическими источниками (см. на материале романа А. Вар-

ламова «Душа моя Павел», 2018) [Матвеева, 2024, с. 39–52]. Не говоря уже об аналитической психологии К. Г. Юнга, ставшей опорой ученых при интерпретации образов современных литературных героев [Нургалеева, 2023, с. 98–105], в особенности — из романов М. Семеновой «Волкодав» (1995) [Ахмедзянова, 2022, с. 109–112] и Е. Водолазкина «Лавр» (2012) [Воробьева, 2020, с. 57–59].

Еще один подход, относящийся к событийно-персонажному уровню текста, — концепция нарративной интриги, использованная О. А. Гримовой на примере произведения Ю. В. Буйды «Синяя кровь» (2011). Здесь воплощена архаичная стратегия сказания о «разворачивании трагического бытийного опыта (формирующего интригу) внутри реализуемой судьбы (интриги не возникает), о совмещении в сложной структуре современной личности человеческого и героического» [Гримова, 2023, с. 212]. Героиня переименовывает себя в миф, и все ее последующие действия мотивируются семантикой имени, поэтому читателю заранее известен трагичный итог. Думается, такой подход уместно задействовать в анализе романов А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» (2000) и Г. Яхиной «Дети мои» (2018). Во втором случае автор представляет метафорическое воплощение судьбы персонажа в номинации, называя своих героев прецедентными именами-мифами (*Бах, Гофман, Гендель*) (Г. Яхина. Дети мои. 2018), встраивая их в культурные архетипы и создавая нарративную стратегию совмещения в маленькой личности героического и человеческого. Между тем у Чудакова нарративная интрига была реализована через введение в структуру произведения аналеписов, нелинейного и цикличного повествования, благодаря чему главный герой Антон Стремоухов мифологизирует историческое прошлое.

Другой, более широкий, путь исследования — выявление особенностей организации мифологической структуры всего произведения. Так, И. Н. Зайнуллина для постижения авторских неомифов предлагает устанавливать специфику организации пространства и времени в аспекте мифа, раскрывать роль мифологем в текстах, где «техника создания авторского мифа основывается на двух приемах: формирование мифологического / мифологизирующего образа; либо организация мифологического / мифологизирующего повествования» [Зайнуллина, 2004, с. 13].

Наконец, перспективным остается поиск механизмов семиотизации мифа. Отталкиваясь от достижений Р. Барта и Ю. М. Лотмана, исследователи нашего времени фиксируют в неомифах русской прозы особую знаковость, цитатность, манипуляцию культурными кодами.

В частности, К. Е. Львова воссоздает процесс рождения неомифа по схеме «знак — символ — мифологическое сознание — миф»; показывает, как миф утрачивает свой исконный смысл и становится оболочкой для нового содержания. Подобный инструментарий, разумеется, лучше всего работает на постмодернистских текстах при разыскании локальных проявлений неомифологизма: «Пушкинский дом» (1964–1971) А. Битова, «Укус Ангела» (1999) П. Крусанова и т. д. В результате обнаруживаются лишь частные проявления неомифологизма, такие как интертекстуальность или деконструкция мифа. Одновременно семиотический взгляд на природу неомифа продуктивен при лингвистическом анализе и рассмотрении метафоры как мифологемы. В художественных произведениях символ чаще всего имеет иконический характер, создавая намек на какой-то мифологический образ.

Так, в романе З. Прилепина «Обитель» некоторые метафорические образы предстают в качестве насыщенных культурными смыслами символов. Небо, например, уподобляется «*куполу, некоей невидимой тверди*» (З. Прилепин. Обитель. 2015. С. 19). Следовательно, монастырь представляется отгороженным от мира не только морем, но и небесным щитом, отделяющим Бога от жителей Соловков. В романе Г. Яхиной «Дети мои» метафоры не просто открывают новые мифологические элементы, но реализуются в мистическом сюжете, с их помощью изображается путешествие Баха по дну Волги, которая, как античный Стикс, оказывается рекой мертвых, открывая перед героем историю страны. Наконец, в романе А. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» мифологемы — не прямые мифологические цитаты, но основа для создания нового мифа о «городе-приюте» Чебачинске, который становится микрокосмом добра, справедливости и выживания в условиях тоталитарного строя (А. Чудаков. Ложится мгла на старые ступени. 2023).

Но даже применительно к названным произведениям каждый из выявленных ракурсов мифопоэтического изучения современного русского романа имеет ограниченный потенциал использования в зависимости от аналитических задач и уровня рассмотрения текста. Если «Обитель» показательна в событийно-персонажном плане с точки зрения архетипической критики типов поведения героев и их выбора в условиях лагерной жизни на Соловках, то «Дети мои» репрезентативны при поиске путей метафорического воплощения судьбы человека в прецедентном имени, а «Ложится мгла на старые ступени» наглядно демон-

стрирует, как нарративная интрига влияет на структуру произведения в аспекте мифологизации прошлого.

Перечень современных русских романов конца XX — начала XXI в., прецедентных с точки зрения мифологизации истории, можно существенно расширить за счет включения в него произведений, 1) сюжет которых связан с рефлексией над событиями XV–XIX вв. («Сердце Пармы» (2003), «Золото бунта» (2005), «Тобол» (2018) А. Иванова, «Тума» (2025) З. Прилепина и др.); 2) в которых переосмыслиется советское прошлое («Воскрешение Лазаря» (2002) В. Шарова, «Зулейха открывает глаза» (2015), «Эшелон на Самарканд» (2021) Г. Яхиной, «Пищеблок» (2018) А. Иванова, «Город, написанный по памяти» (2019) Е. Чижовой, «Опасные советские вещи» (2020) А. Архиповой, «Вечная мерзлота» (2021) В. Ремизова и др.); 3) которые обращены ко временам перестройки и 1990-х гг. («Generation „П”» (1999) В. Пелевина, «Сезон отравленных плодов» (2022) В. Богдановой, «Псоглавцы» (2011), «Географ глобус пропил» (1995) А. Иванова и др.).

Заключение

Сложившиеся подходы мифопоэтического анализа (от изучения мифа как архаического повествования к восприятию его в качестве универсальной формы мышления), несмотря на их разрозненность, имеют серьезный исследовательский потенциал. Однако по отношению к образцам современного русского романа наиболее релевантным представляется координирующий путь, ориентированный на художественную целостность и учитывающий особенности организации мифологической структуры всего произведения — его композиции, хронотопа, мифологем, нарративной стратегии. В качестве удачного примера комплексного анализа мифопоэтики, включающего сюжетный и образный уровни, назовем монографическое исследование В. В. Полонского [Полонский, 2008], хотя акцент в нем в первую очередь сделан на выявлении черт жанровой эволюции в Серебряном веке.

Очевидно, что предпринятые нами усилия по диагностике и поиску путей преодоления «болевых точек» в понятийно-терминологическом аппарате мифопоэтики, ее ключевых категорий, нельзя считать исчерпывающими. При этом именно современная русская проза, как мы стремились продемонстрировать на конкретных примерах, может оказаться весьма благоприятной почвой для апробации наиболее эффективных инструментов мифопоэтического анализа.

Библиографический список

Аверинцев С.С. «Аналитическая психология» К.-Г. Юнга и закономерности творческой фантазии // Вопросы литературы. 1970. № 3. С. 113–143.

Андрианова М.Д. Ресайклинг советского в прозе Виктора Пелевина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. № 12. С. 3628–3633.

Ахмедзянова А.Р. Женские образы в романе М.В. Семеновой «Волкодав»: опыт классификации // Вестник магистратуры. 2022. № 6–3 (129). С. 109–112.

Бондарев А.П. Историзация мифа и мифологизация истории // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2016. № 10 (749). С. 79–100

Борунов А.Б., Шерчалова Е.В. Авторский миф в современном постмодернистском романе // Филологический класс. 2021. С. 8–20.

Бреева Т.Н. Мифологема «Большая игра» в историософском романе конца XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 2. С. 85–92.

Воробьева П.Е. Путь становления мудреца в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17. № 1 (19). С. 57–59.

Глобенко А.А., Шереметьева Е.С. Мифологизация истории в романе братьев Стругацких «Трудно быть богом» // Гармония и алгебра текста: филология, семиотика, аналитика. Владивосток: Издательство Дальневосточного федерального университета, 2025. С. 38–39.

Гримова О.А. Нарративная интрига в современном отечественном романе : дис. ... докт. филол. наук. М., 2023. 356 с.

Гусева Е.В. Мифологизм романа Алексея Иванова «Сердце Пармы» // Материалы XLVII научно-практической конференции, посвященной 250-летию со дня основания Миасса / под ред. И.И. Валова. Челябинск: Челябинский государственный университет, 2023. С. 287–292.

Давыдов И.П. Миф, мифема и мифологема — структурно-функциональный анализ мифографии (на примере одного стихотворения Иосифа Бродского) // Религия и история : материалы V Международной научно-практической конференции. Минск, 20–22 апреля 2017 г. Белорусский государственный университет, Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла / под ред. С.И. Шатравского. Минск: Белорусский государственный университет, 2017. С. 117–121.

Дмитриевская Л.Н. Мотивы и образы волшебной сказки в романе М. Петросян «Дом, в котором...» // Национальный стиль русской ли-

тературной классики : материалы V Межвузовской с международным участием научно-практической конференции / отв. редактор С.А. Васильев. М.: Московский педагогический университет, 2020. С. 93–99.

Ермоленко О.В. «Мифотворчество» и «индивидуально-авторское мифотворчество»: проблема разграничения понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 3. С. 90–94.

Жулькова К.А. Мифологема реки в романе Г. Яхиной «Дети мои» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 6 (874). С. 153–159.

Зайнуллина И.Н. Миф в русской прозе конца XX — начала XXI в.: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Казань, 2004. 21 с.

Иванова А.Н. Сибирский текст в романе Дины Рубиной «Синдром Петрушки» // Наука и образование сегодня. 2018. № 5 (28). С. 68–72.

Ильина С.А. Символика художественного пространства романа Захара Прилепина «Обитель» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 4. С. 22–27.

Калиниченко Л.А. Мифопоэтика произведений З. Прилепина (на примере романов «Черная обезьяна» и «Патологии») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7 (49). С. 82–86.

Кассирер Э. Философия символических форм / пер. с нем. С.А. Ромашко. Т. 2. Мифологическое мышление. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 280 с.

Кирин М.И. Метод мифореставрации // Миф — литература — мифореставрация / под общ. ред. С.М. Телегина М.: Узорочь, 2000. 155 с.

Клюс А.Г. Особенности интерпретации древнерусской «Повести о Петре и Февронии Муромских» в художественной системе романа Евгения Водолазкина «Оправдание острова» // Инновационные научные исследования. 2021. № 12–2 (14). С. 216–222

Козлов А.С. Мифопоэзия // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / гл. науч. ред. Е.А. Цурганова; отв. науч. ред. А.Е. Махов. М.: Intrada, 2004а. С. 262.

Козлов А.С. Мифологическая критика // Западное литературоведение XX века: энциклопедия / гл. науч. ред. Е.А. Цурганова; отв. науч. ред. А.Е. Махов. М.: Intrada, 2004б. С. 258–262.

Короткова Н.С. Два варианта мифологизма в романах Л.Е. Улицкой // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 1 (20). С. 43–49.

Костюк С.А. Енисей как мифопоэтический образ в рассказе М. Тарковского «Таня» // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2024. № 17 (41). С. 151–158.

Кривонос В.Ш. Миф в литературе // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: издательство Кулагиной: Intrada, 2008. С. 123–124.

Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 559 с.

Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Космогонические мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Советская энциклопедия, 1980. Т. 1. С. 220–226.

Львова К.Е. Постмодернистские схемы мифомышления в современной русской прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2019.

Матвеева И.И. Фольклорный код в романе А. Варламова «Душа моя Павел» // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование, 2024. № 2 (54). С. 39–52.

Махнина Н.Г., Сидорова М.М. Мифологема смерти / рождения в романе Е. Водолазкина «Лавр» // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2017. № 2 (48). С. 174–178.

Мелетинский Е.М. Палеоазиатский мифологический эпос: Цикл Ворона. М.: Наука, 1979. 229 с.

Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Восточная литература, 2000. 407 с.

Неклюдов С.Ю. Структура и функция мифа // Современная российская мифология : сб. статей. Сер. «Традиция — текст — фольклор: типология и семиотика». Российский государственный гуманитарный университет, Институт высших гуманитарных исследований, Центр типологии и семиотики фольклора / сост. М.В. Ахметова. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2005. С. 9–26.

Нургалева Д.В. Индивидуация в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр» (попытка толкования в контексте теории аналитической психологии) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23. № 4. С. 98–105.

Орехов В.В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Симферополь: Симферопольская городская типография, 2008. 200 с.

Осипова Н.О. Мифопоэтика как сфера поэтики и метод исследования // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение: РЖ. 2000. № 3. С. 46–52.

Ощепкова А. И., Слепцова В. Н. Мифофольклорная поэтика романа Г. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Вопросы национальных литератур. 2023. № 3 (11). С. 54–62.

Пахомова С.С. Мифологизация художественного пространства в романе Павла Крусанова «Укус ангела» // Современная филология: материалы I Междунар. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 112–114.

Пигина А.С., Сергеева Е.Н. Функционирование советских мифологем в романе А. Иванова «Пищеблок» // Вестник молодых ученых и специалистов Самарского университета. 2022. № 1 (20). С. 90–93.

Побивайло О.В. Мифопоэтика прозы Людмилы Улицкой : автореферат дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2009.

Радь Э.А., Сивожелезова Е.А. Традиции древнерусской литературы в романе Е.Г. Водолазкина «Оправдание острова» // Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы : сб. мат-ов XIX Междунар. науч.-практ. конф. Стерлитамак, 2024. С. 277–286.

Рысухин В.С. Иов-ситуация как модель мироощущения героев романа «Синяя кровь» Ю. Буйды // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2024. Т. 9. № 3. С. 125–136.

Рытова Т.А., Щипкова Е.А. Проблема исследования мифологизма и сюжета мифа как элемента сюжетной структуры в русской прозе конца XX — начала XXI в. // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 4 (20). С. 115–128.

Старицына Ю.А. Мифотворчество в Романе Т. Толстой «Кысь» // Миф — Фольклор — Литература: проблемы изучения : мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию д. филол. н., проф. Ивана Егоровича Карпущина. Уфа: Башкирский государственный университет, 2016. С. 161–165.

Тахо-Годи Е.А., Тахо-Годи А.А. А.Ф. Лосев о диалектическом понимании мифологии // «Credo new». 2017. № 1. С. 13–16.

Токарева Г.А. Миф в художественной системе У. Блейка : автореф. дис. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2005. 37 с.

Торосян А.С. Процесс мифологизации в современной литературе // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. № 1. С. 82–85.

Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М.: Индрик, 1997. 456 с.

Фолимонов С.С. Фольклорные элементы как знаки мифологизации реальности в романе А.В. Дмитриева «Крестьянин и тинейджер» // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 54–65.

Франц М.-Л. Психология сказки. Толкование волшебных сказок. Психологический смысл мотива искупления в сказке / пер. К. Бутырина, Р. Березовской. М.: Гнозис, 2004. 360 с.

Шпак Э.Р. «Сказка о деве-узнице» в романе Г. Яхиной «Дети мои»: композиционно-сюжетный аспект // Современное состояние и перспективы развития современной филологии : сб. ст. межд. науч.-практ. конф. Петрозаводск: Международный центр научного партнерства «Новая Наука», 2022. С. 52–56.

Юнг К.Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. А. Чечиной. М.: АСТ, 2019. 495 с.

Юнг К.Г., Кереньи К. Душа и миф. Шесть архетипов / пер. В.В. Наукманова. Киев: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. 384 с.

Список источников

Прилепин З. Обитель. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 746 с.

Чудаков А.П. Ложится мгла на старые ступени: роман-идиллия. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. 640 с.

Яхина Г.Ш. Дети мои. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2018. 493 с.

References

Akhmedzyanova A.R. Female Images in M.V. Semenova's Novel "Wolfhound": A Classification Essay. *Vestnik magistratury = Magistracy Bulletin*, 2022, no. 6–3 (129), pp. 109–112. (In Russian).

Andrianova M.D. Recycling the Soviet in Viktor Pelevin's Prose. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teori i ipraktiki = Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2021, no. 12, pp. 3628–3633. (In Russian).

Averintsev S.S. "Analytical Psychology" by K.-G. Jung and the Patterns of Creative Fantasy. *Voprosy literatury = Literary Issues*, 1970, no. 3, pp. 113–143. (In Russian)

Bondarev A.P. Historicization of myth and mythologization of history. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2016, no. 10 (749), pp. 79–100. (in Russian).

Borunov A.B., Sherchalova E.V. The author's myth in the contemporary postmodernist novel. *Filologicheskiy klass = Philological class*, 2021, pp. 8–20. (In Russian).

Breeva T.N. The mythologem "The Great Game" in the historiosophical novel of the late twentieth century. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta = Scientific Notes of Kazan University, Humanitarian sciences*, 2010, no. 2, pp. 85–92. (In Russian).

Cassirer E. *Philosophy of Symbolic Forms*, vol. 2, *Mythological Thinking*, 2001, 280 p. (In Russian).

Davydov I.P. *Myth, Mytheme, and Mythologem — a Structural and Functional Analysis of Mythography (Based on One Poem by Joseph Brodsky)*. *Religiya i istoriya = Religion and History*, 2017, pp. 117–121. (In Russian).

Dmitrievskaya L.N. *Motifs and Images of a Fairy Tale in M. Petrosyan's Novel "The House in Which..."*. *Nacional'ny'j stil' russkoj literaturnoj klassiki = National Style of Russian Literary Classics*, 2020, pp. 93–99. (In Russian).

Ermoolenko O.V. "Mythmaking" and "Individual-Author's Mythmaking": the Problem of Distinction between Concepts. *Filologicheskie nauki = Philological Sciences, Theoretical and Practical Issues*, 2020, vol. 13, Issue 3, pp. 90–94. (In Russian).

Folimonov S.S. *Folklore Elements as Signs of Mythologization of Reality in A.V. Dmitriev's Novel "The Peasant and the Teenager"*. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, 2020, no. 452, pp. 54–65. (In Russian).

Franz M.-L. *The Psychology of the Fairy Tale. Interpretation of Fairy Tales. The Psychological Meaning of the Redemption Motif in the Fairy Tale*, Moscow, 2004, 360 p. (In Russian).

Globenko A.A., Sheremetyeva E.S. "Mythologization of History in the Strugatsky Brothers' Novel "Hard to Be a God". *Garmoniya i algebra teksta: filologiya, semiotika, analitika = Harmony and Algebra of the Text: Philology, Semiotics, Analytics*", 2025, pp. 38–39. (In Russian).

Grimova O.A. *Narrative intrigue in the modern Russian novel*. Thesis of Doct. Philol. Diss., 2023. (In Russian).

Guseva E.V. *Mythologism of Alexei Ivanov's Novel "The Heart of Parma"*. *Materialy' XLVII nauchno-prakticheskoy konferencii = Proceedings of the XLVII Scientific and Practical Conference Dedicated to the 250th Anniversary of the Founding of Miass*, 2023, pp. 287–292. (In Russian).

Ilyina S.A. *Symbolism of the Artistic Space in Zakhar Prilepin's Novel "The Abode"*. *Filologicheskienauki = Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*, 2017, no. 12 (78), pt. 4, pp. 22–27. (In Russian).

Ivanova A.N. *Siberian Text in Dina Rubina's Novel "The Petrushka Syndrome"*. *Nauka i obrazovanie segodnya = Science and Education Today*, 2018, no. 5 (28), pp. 68–72. (In Russian).

Jung K.G. *The Archetypes and the Collective Unconscious*, Moscow, 2019, 495 p. (In Russian).

Jung K.G., Kerényi, K. *Soul and Myth. Six Archetypes*, Kyiv, 1996, 384 p. (In Russian).

Kalinichenko, L.A. Mythopoetics of Z. Prilepin's Works (Based on the Novels "The Black Monkey" and "Pathologies"). *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* = Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues, 2015, no. 7 (49), pp. 82–86. (In Russian).

Kirin M.I. Method of mythorestoration. *Myth — Literature — Mythorestoration*, Moscow, 2000, 155 p. (In Russian).

Klyus A.G. Features of the Interpretation of the Old Russian "Tale of Peter and Fevronia of Murom" in the Artistic System of Evgeny Vodolazkin's Novel "Justification of the Island". *Innovacionny'e nauchny'e issledovaniya* = Innovative Scientific Research, 2021, no. 12–2 (14), p. 216–222. (In Russian).

Korotkova N.S. Two Variants of Mythologism in the Novels of L. E. Ulitskaya. *Verxnevolzhskij filologicheskij vestnik* = Upper Volga Philological Bulletin, 2020, no. 1 (20), pp. 43–49. (In Russian).

Kostyuk S.A. The Yenisei as a Mythopoetic Image in M. Tarkovsky's Short Story "Tanya". *Vostochnoslavjanskaya filologiya* = East Slavic Philology, Literary Studies, 2024, no. 17 (41), pp. 151–158. (In Russian).

Kozlov A.S. Mythological Criticism. *Zapadnoye literaturovedeniye XX veka* = Western Literary Studies of the 20th Century: Encyclopedia, 2004b, pp. 258–262. (In Russian).

Kozlov A.S. Mythopoesia. *Zapadnoye literaturovedeniye XX veka* = Western Literary Studies of the 20th Century: Encyclopedia, 2004a, pp. 258–262. (In Russian).

Krivosos V.Sh. Myth in Literature. *Poetika* = Poetics: A Dictionary of Current Terms and Concepts, 2008, pp. 123–124. (In Russian).

Levi-Strauss K. *Structural Anthropology*, Moscow, 2001, 512 p. (In Russian).

Losev A.F. *The Dialectics of Myth*, 2001, Moscow, 559 p. (In Russian).

Lotman Yu.M., Mintz Z.G., Meletinsky E.M. *Cosmogonic Myths. Mify narodov mira* = Myths of the Peoples of the World: Encyclopedia, 1980, vol. 1, pp. 220–226. (In Russian).

L'vova K.E. *Postmodernist Schemes of Myth-Thinking in Contemporary Russian Prose. Abstract of Philol. Cand. Diss*, Krasnodar, 2019. (In Russian).

Makhinina N.G., Sidorova M.M. The Mythologem of Death / Birth in E. Vodolazkin's Novel "Laurel". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of of Tomsk State Pedagogical University, 2017, no. 2 (48), pp. 174–178. (In Russian).

Matveyeva I.I. Folklore Code in A. Varlamov's Novel "My Soul Pavel". *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta* = Bulletin of Moscow City Pedagogical University, Series "Philology", 2024, no. 2 (54), pp. 39–52. (In Russian).

Meletinsky E.M. Paleo-Asian Mythological Epic: The Raven Cycle, 1979, 229 p. (In Russian).

Meletinsky E.M. Poetics of Myth, 2000, 407 p. (In Russian).

Neklyudov S.Yu. Structure and Function of Myth. *Sovremennaya rossijskaya mifologiya* = Modern Russian Mythology: Collection of Articles, 2005, pp. 9–26. (In Russian).

Nurgaleeva D.V. Individuation in E.G. Vodolazkins Novel “Laurel” (An Attempt at Interpretation in the Context of the Theory of Analytical Psychology). *Vestnik Yuzhnoural'skogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of South Ural State University, Series Social and Humanitarian Sciences, 2023, vol. 23, no. 4. pp. 98–105. (In Russian).

Orekhov V.V. The Myth of Russia in French Literature of the First Half of the 19th Century, Simferopol, 2008, 200 pp. (In Russian).

Oshchepkova A.I., Sleptsova V.N. Mytho-Folklore Poetics of G. Yakhina's Novel “Zuleikha Opens Her Eyes”. *Voprosy nacionalnykh literatur* = Issues of National Literatures, 2023, no. 3 (11), pp. 54–62. (In Russian).

Osipova N.O. Mythopoetics as a Sphere of Poetics and a Research Method. *Socialnye i gumanitarnye nauki* = Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature, ser. 7, 2000, no. 3, pp. 46–52. (In Russian).

Pakhomova S.S. Mythologization of Artistic Space in Pavel Krusanov's Novel “Angel's Bite”. *Sovremennaya filologiya* = Modern Philology, 2011, pp. 112–114. (In Russian).

Pigina A.S., Sergeeva E.N. Functioning of Soviet Mythologemes in A. Ivanov's Novel “Food Block”. *Vestnik molodykh uchenykh i spetsialistov Samarskogo universiteta* = Bulletin of Young Scientists and Specialists of Samara University, 2022, no. 1 (20), pp. 90–93. (In Russian).

Pobivaylo O.V. Mythopoetics of Lyudmila Ulitskaya's Prose. Abstract of Philol. Cand. Diss., Krasnoyarsk, 2009. (In Russian).

Rad' E.A., Sivozhelezova E.A. Traditions of Old Russian Literature in E. G. Vodolazkin's Novel “Justification of the Island”. *Sovremennaya filologiya* = Modern Paradigms of Linguistic Research: Methods and Approaches, 2024, pp. 277–286. (In Russian).

Rysukhin V.S. The Job Situation as a Model of the Worldview of the Characters in Yu. Buida's Novel “Blue Blood”. *Praktiki i interpretatsii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nykh i kul'turnykh issledovaniy* = Practices and Interpretations: Journal of Philological, Educational, and Cultural Research, 2024, vol. 9, no. 3, pp. 125–136. (In Russian).

Rytova T.A., Shchepkova E.A. The Problem of Studying Mythologism and the Plot of Myth as an Element of Plot Structure in Russian Prose of the Late 20th–Early 21st Centuries. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* =

Bulletin of Tomsk State University, Philology, 2012, no. 4 (20), pp. 115–128. (In Russian).

Shpak E.R. The Tale of the Maiden Prisoner in G. Yakhina's Novel "My Children": Compositional and Plot Aspect. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya sovremennoj filologii* = Current State and Prospects for the Development of Modern Philology. Collection of articles from the international scientific and practical conference, 2022, pp. 52–56. (In Russian).

Staritsyna Yu. A. Mythmaking in T. Tolstoy's Novel "The Slynx". *Mif — Folklor — Literatura* = Myth — Folklore — Literature: Problems of Study, 2016, pp. 161–165. (In Russian).

Takho-Godi E.A., Takho-Godi A.A. A.F. Losev on the Dialectical Understanding of Mythology. «Credo new» = "Credo New", 2017, no. 1, pp. 13–16. (In Russian).

Tokareva G.A. Myth in the Fiction of W. Blake. Abstract of Philol. Cand. Diss, Voronezh, 2005. (In Russian).

Toporkov A.L. The Theory of Myth in Russian Philological Science of the 19th Century. Moscow, 1997, 456 p. (In Russian).

Torosyan A.S. The Process of Mythologization in Contemporary Literature. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta* = Bulletin of Voronezh State University, ser. Philology. Journalism, 2022, no. 1, pp. 82–85. (In Russian).

Vorobyova, P.E. "The Path of a Sage's Development in E. Vodolazkin's Novel "Laurel". *Studencheskaya nauka i XXI vek* = Student Science and the 21st Century, 2020, vol. 17, no. 1(19), pp. 57–59. (In Russian).

Zainullina I.N. Myth in Russian prose of the late XX–early XXI centuries. Abstract of Philol. Cand. Diss, Kazan, 2004. (In Russian).

Zhulkova K.A. The Mythologem of the River in G. Yakhina's Novel "My Children". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta* = Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities, 2023, iss. 6 (874), pp. 153–159. (In Russian).

List of Sources

Prilepin Z. The Abode, Moscow, 2015, 746 p. (In Russian).

Chudakov A.P., A Darkness Falls on the Old Steps: An Idyllic Novel, St. Petersburg, 2023, 640 p. (In Russian).

Yakhina G.Sh. My Children, Moscow, 2018, 493 p. (In Russian)